

Рец. на кн.: RAY WILKINSON, JOHN P. RAE,
GITTE RASMUSSEN (eds.). *ATYPICAL INTERACTION:
THE IMPACT OF COMMUNICATIVE IMPAIRMENTS
WITHIN EVERYDAY TALK.*

Cham: Palgrave Macmillan, 2020. XXIII+470 p.

Дмитрий Михайлович Колядов

Институт лингвистических исследований РАН
9 Тучков пер., Санкт-Петербург, Россия
dkoliadov@gmail.com

Аннотация: Рецензируемый сборник посвящен разговорному анализу речевых взаимодействий, в которых хотя бы один из участников имеет различные нарушения, затрагивающие способности к коммуникации (афазия, деменция, дизартрия и др.). В центре внимания авторов сборника находится влияние этих нарушений на то, как строится взаимодействие и как осуществляется *поправка* (*repair*). Также рассматриваются проблемы адаптации к нарушениям, совместной работы участников, агентности людей с нарушениями, поддержания социального лица. В рецензии обсуждаются три более общих вопроса, связанных с исследованием затрудненной коммуникации. Первый касается выбора способов описания и использования категории *поправки*. С одной стороны, ее выбор представляется оправданным, поскольку участникам часто приходится прояснять смысл действий партнеров. С другой — он может оказаться проблематичным, если не учитывать, что взаимодействие с людьми с нарушениями имеет собственный ход (*progressivity*), отличающийся от хода обычного разговора. Второй вопрос касается невербальных действий в коммуникации с людьми с нарушениями, роль которых оказывается особенно важной в силу ограниченности их речевых ресурсов. Третий вопрос связан с проблемой понимания, которого пытаются достичь и сами участники в ходе взаимодействия, и исследователи в ходе анализа. Эта задача оказывается и для тех, и для других особенно трудной в силу неоднозначности действий партнеров с нарушениями и опасности неадекватной их намерениям интерпретации со стороны более компетентных участников.

Ключевые слова: разговорный анализ, коммуникативные нарушения, поправка, ход взаимодействия, невербальные действия.

Для ссылок: Колядов Д. Рец. на кн.: Ray Wilkinson, John P. Rae, Gitte Rasmussen (eds.). *Atypical Interaction: The Impact of Communicative Impairments within Everyday Talk*. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. XXIII+470 p. // Антропологический форум. 2021. № 49. С. 207–222.

doi: 10.31250/1815-8870-2021-17-49-207-222

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/049/kolyadov.pdf>

**A Review of RAY WILKINSON, JOHN P. RAE, GITTE RASMUSSEN (eds.),
*ATYPICAL INTERACTION: THE IMPACT OF COMMUNICATIVE
IMPAIRMENTS WITHIN EVERYDAY TALK.***

Cham: Palgrave Macmillan, 2020, XXIII+470 pp.

Dmitry Kolyadov

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
9 Tuchkov Lane, St Petersburg, Russia
dkoliadov@gmail.com

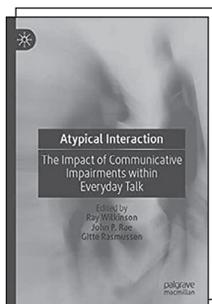
Abstract: The collection of articles under review includes conversation analytic studies of interactions involving the participation of at least one person with communicative impairments (aphasia, dementia, dysarthria, etc.). The authors concentrate on how these impairments influence interaction—the organization of repair in particular—as well as on issues of participants' adaption to impairments, collaboration, the agency of people with impairments, and practices of face maintenance. Three more general issues connected to this field of study are discussed in the review. The first issue is a choice of analytic categories and the application of the category of repair. This category seems justified since participants frequently have to clarify the meaning of their partners' actions. However, this choice may appear problematic if one does not take into account that interactions with people with impairments have their own progressivity, which differs from the progressivity of ordinary conversation. The second issue is the role of nonverbal actions, which is crucial in circumstances where some of the participants lack verbal resources. The third issue concerns the problem of the understanding which participants try to achieve in the course of interaction and which researchers try to achieve in the course of analysis. This task becomes more challenging in comparison to ordinary conversations. On the one hand, actions of persons with impairments are sometimes ambiguous and require special interpretative efforts from their partners. On the other hand, there is always a risk that the partner will interpret actions of impaired person inadequately.

Keywords: conversation analysis, communicative impairments, repair, progressivity, nonverbal actions.

To cite: Kolyadov D., 'A Review of Ray Wilkinson, John P. Rae, Gitte Rasmussen (eds.), *Atypical Interaction: The Impact of Communicative Impairments within Everyday Talk*. Cham: Palgrave Macmillan, 2020, XXIII+470 pp.', *Antropologicheskij forum*, 2021, no. 49, pp. 207–222.

doi: 10.31250/1815-8870-2021-17-49-207-222

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/049/kolyadov.pdf>

Рец. на кн.: **Ray Wilkinson, John P. Rae, Gitte Rasmussen (eds.)**. *Atypical Interaction: The Impact of Communicative Impairments within Everyday Talk*. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. XXIII+470 p.

Рецензируемый сборник посвящен разговорному анализу речевых взаимодействий, в которых хотя бы один из участников имеет различные нарушения, затрагивающие способности к коммуникации (афазия, деменция, дизартрия и др.). В центре внимания авторов сборника находится влияние этих нарушений на то, как строится взаимодействие и как осуществляется *поправка* (*repair*). Также рассматриваются проблемы адаптации к нарушениям, совместной работы участников, агентности людей с нарушениями, поддержания социального лица. В рецензии обсуждаются три более общих вопроса, связанных с исследованием затрудненной коммуникации. Первый касается выбора способов описания и использования категории *поправки*. С одной стороны, ее выбор представляется оправданным, поскольку участникам часто приходится прояснять смысл действий партнеров. С другой — он может оказаться проблематичным, если не учитывать, что взаимодействие с людьми с нарушениями имеет собственный ход (*progressivity*), отличающийся от хода обычного разговора. Второй вопрос касается невербальных действий в коммуникации с людьми с нарушениями, роль которых оказывается особенно важной в силу ограниченности их речевых ресурсов. Третий вопрос связан с проблемой понимания, которого пытаются достичь и сами участники в ходе взаимодействия, и исследователи в ходе анализа. Эта задача оказывается и для тех, и для других особенно трудной в силу неоднозначности действий партнеров с нарушениями и опасности неадекватной их намерениям интерпретации со стороны более компетентных участников.

Ключевые слова: разговорный анализ, коммуникативные нарушения, поправка, ход взаимодействия, невербальные действия.

Рецензируемый сборник посвящен разговорному анализу (далее КА) речевых взаимодействий, в которых хотя бы один из участников имеет нарушения, затрагивающие коммуникацию. Во введении и четырнадцати главах рассматриваются взаимодействия с людьми с афатическими нарушениями, расстройством аутистического спектра (РАС), нарушениями слуха, дизартрией, заиканием, нарушениями речевого развития, деменцией, умственной отсталостью, шизофренией. Эти взаимодействия определяются как «атипичные» с точки зрения практик, механизмов и закономерностей, описываемых КА для «типичных» повседневных и институциональных речевых обменов, т.е. таких, участники которых не имеют явных нарушений, влияющих на коммуникацию¹.

Дмитрий Михайлович Колядов
Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия
dkoliadov@gmail.com

¹ Нужно отметить, что хотя в заглавии говорится о повседневном разговоре (*everyday talk*), нередко объектом рассмотрения в сборнике оказываются институциональные взаимодействия (общение

Общая проблема, в свете которой рассматриваются представленные в статье материалы, отражена в заглавии: влияние коммуникативных нарушений на речевое взаимодействие. Такой подход к изучению коммуникативных нарушений специфичен для КА и отличает его от более традиционных для данной области медицинских или психологических исследований. В рамках медицины коммуникативные нарушения рассматриваются с точки зрения диагностических признаков или недостаточных языковых и/или коммуникативных способностей индивида, а также с точки зрения их связи с врожденными или приобретенными патологиями и дисфункциями организма (например, с точки зрения того, как определенное нарушение речи коррелирует с повреждением определенного участка мозга). При этом данные, по которым оцениваются способности индивида, исследователи получают вне контекста взаимодействия, например путем тестирования или опросов пациента или его родственников¹.

В КА, напротив, объектом исследовательского внимания становится именно то, что происходит во взаимодействии: с какими проблемами сталкиваются участники при его организации, как они адаптируются к нарушениям, на какие ресурсы опираются, какие следствия имеет подобная адаптация или ее отсутствие (Р. 2–4). При этом, как показывают конверсационно-аналитические исследования, коммуникативные успехи и неудачи партнеров с речевыми нарушениями являются не только следствием этих нарушений, но и не в меньшей степени результатом взаимодействия. Такой подход к анализу материала позволяет увидеть и препятствия, систематически возникающие во взаимодействии, и их негативные последствия для жизни людей с нарушениями (например, ограничение участия в социальной жизни и возможностей для самостоятельного действия, производство и закрепление заниженных представлений об их интеллектуальном уровне и компетенции), и возможности для их преодоления. Очевидно поэтому, что такая перспектива имеет не только теоретическое значение, позволяя лучше понять

с врачом на первичном приеме, взаимодействие сотрудников и клиентов в центрах занятости и сопровождаемого проживания, заказ столика в ресторане), которые в традиции КА принято противопоставлять неформальному разговору (*conversation*) и которые не всегда можно считать повседневными, обыденными (ср., например, психологическое или медицинское обследование или задержание полицейским). Поэтому, вероятно, точнее было бы сказать, что объектом всех исследований, собранных в рецензируемой книге, являются спонтанные речевые взаимодействия.

¹ Впрочем, сами эти ситуации также представляют собой разновидность взаимодействия между пациентами и их родственниками и медиками, а их анализ может сказать нечто о коммуникативных способностях пациента. См., например: [Schegloff 2003: 25 et passim]. В рецензируемом сборнике анализу таких ситуаций посвящены главы 7 (в ней речь идет о взаимодействиях людей с деменцией, сопровождающих их родственников и врачей) и 14 (в ней рассматриваются первичные приемы в аудиологической клинике).

устройство как «атипичного», так и «типичного» взаимодействия, но и прикладное, поскольку полученные результаты могут быть использованы для программ реабилитации¹.

Такой подход к коммуникативным нарушениям, как и круг тем, затрагиваемых в сборнике (организация последовательности действий, проблемы и практики их устранения, совместное конструирование реплик несколькими участниками, проблема агентности, компетентности и поддержания лица партнера с нарушениями, способы адаптации взаимодействия, функциональность «неправильных» с точки зрения грамматики или прагматики речевых действий, роль институциональных обстоятельств и др.), не являются новыми для КА. На данный момент изучение взаимодействий с людьми с нарушениями можно считать отдельной сформировавшейся исследовательской областью, в развитие которой уже внесли вклад многие из авторов рецензируемого сборника. В последние два десятилетия количество публикаций на эту тему существенно выросло, и они регулярно появляются как в журналах, посвященных анализу дискурса и социального взаимодействия, так и в изданиях по медицине, психологии, социальной работе². Поэтому вместо обсуждения отдельных работ, вошедших в сборник, мне хотелось обратиться к более общим методологическим вопросам, касающимся способов описания взаимодействия, мульти-модальности и проблем понимания. Эти вопросы не являются центральными для авторов рецензируемого сборника, но возникают при его чтении и, на мой взгляд, имеют значение как для данной исследовательской традиции, так и, вероятно, для анализа коммуникативного взаимодействия в целом.

Одна из центральных тем, так или иначе затрагиваемая в большинстве глав сборника, — инициирование и осуществление *поправки (repair)*³. В КА категория *поправки* используется для обозначения набора практик, направленных на устранение проблем, которые возникают по ходу взаимодействия. В классическом варианте [Schegloff et al. 1977] к ним относятся проблемы

¹ См., например, обзор прикладных КА-исследований афатических нарушений: [Wilkinson 2014].

² Подробнее об истории изучения коммуникативных нарушений в рамках конверсационного анализа можно прочесть во введении к рецензируемому сборнику (Сл. 1, р. 1–36), а также в обзорной статье [Antaki, Wilkinson 2012]. Нужно сказать, что в отечественной науке эта область исследований пока остается в значительной степени неразработанной. На сегодняшний день можно назвать лишь две публикации И.В. Утехина [Утехин 2012; 2014б], непосредственно посвященных этой теме. Стоит также упомянуть семинар фонда «Общественное мнение» «Качественные методы в исследованиях инвалидности», прошедший в январе 2020 г. Видеозаписи докладов и обсуждений доступны по адресу: <<https://www.youtube.com/playlist?list=PLEIvdR9jouZWjI5fgZ7XvV9eTE1IrnYzg>>.

³ Поскольку данная рецензия ориентирована не только на специалистов в области КА, но и на более широкую аудиторию, в рецензию включены по необходимости краткие пояснения некоторых технических терминов и базовых принципов КА. Более подробное рассмотрение понятия *поправки* можно найти в работе [Kitzinger 2012].

восприятия на слух (*hearing*), проблемы порождения (*speaking*) и понимания речи. Эти практики описываются в терминах инициирования поправки (указания на то, что в каком-то месте возникла та или иная проблема) и ее осуществления (т.е. собственно поправки). Как инициирование, так и осуществление поправки может быть совершенно и тем, чья реплика вызвала проблемы, и партнером по взаимодействию. При этом, как показывают исследователи, есть тенденция (по крайней мере в неформальных разговорах) к тому, что сам «источник проблемы» чаще всего иницирует и осуществляет поправку.

Отличительной особенностью поправки, объединяющей очень разные случаи, описываемые в этих терминах, является также то, что она нарушает ход взаимодействия (*progressivity*). Обычно в разговоре данный элемент (будь то высказывание, слово, слог, звук) понимается не сам по себе, а как имеющий отношение к непосредственно предшествующему элементу, как следующий за ним. Продвижение от одного элемента, который воспринимается как предшествующий, к другому, который воспринимается как следующий (по словам Эммануэля Щеглова, *hearably-next*), — это и есть воплощение хода взаимодействия с конверсационно-аналитической точки зрения [Schegloff 2007: 14–15; Kitzinger 2012: 238–239]. Функция поправки состоит в том, чтобы восстановить и поддержать этот ход в случае возникновения проблемы. Но при этом поправка одновременно своим появлением нарушает, приостанавливает его, «вторгаясь» между элементом А и элементом В, которые воспринимаются как связанные между собой [Schegloff 2000: 208]¹.

Неудивительно, что такого рода проблемы нередко возникают во взаимодействиях с людьми с нарушениями речи, слуха, когнитивной сферы. Поэтому обращение авторов сборника к категории поправки представляется вполне естественным. Однако существует и возражение против ее использования. Так, Чарльз Гудвин, ссылаясь на комментарий Эммануэля Щеглова, отмечал, что данная категория, возможно, не слишком удачна для описания взаимодействий с людьми с нарушениями именно по причине того, что затруднения и практики по их устранению наполняют такого рода взаимодействия, оказываются в центре внимания участников [Goodwin 2003: 8; 2018: 70–71]. Гудвин не развивал этот тезис, но можно предположить, что в этих случаях постоянные остановки, прояснения смысла неоднозначных реплик, уточнения понимания и т.п. практики,

---

¹ Взаимодействие приостанавливает именно поправка, а не проблема. С одной стороны, не все потенциально проблематичные места приводят к поправкам. С другой — то, что проблема имеется, участникам становится заметно только после того, как поправка иницирована или осуществлена самим говорящим или его партнером.

к которым прибегают партнеры, — это часть естественного хода взаимодействия. Поэтому, с одной стороны, корректно рассматривать как прерывание те трудности, которые возникают в процессе произнесения реплики у человека с заиканием или афазией, побуквенное произнесение слов человеком с дизартрией или превышающие стандартную длину паузы в таких разговорах. Но, с другой стороны, участники и исследователи, возможно, исходят при этом из нерелефлексивных представлений о том, как происходит взаимодействие в обычном случае.

Сравнение «типичного» повседневного разговорного взаимодействия людей без нарушений с «атипичным» полезно и даже неизбежно для КА. Оно позволяет увидеть специфику обеих разновидностей взаимодействия. Но вместе с тем это сравнение показывает, что «атипичные» взаимодействия имеют свою динамику, темп, ритм, собственные закономерности, и эти обстоятельства важно учитывать. В противном случае действия обладающего большими ресурсами партнера могут быть восприняты участником с нарушениями как неуместное вторжение (что показывают в главе 11 Рэй Уилкинсон и Сара Моррис, анализируя телефонные разговоры сотрудников кафе и ресторанов с людьми с заиканием) или вообще поставить под вопрос взаимопонимание и взаимодействие (как это демонстрируется на примерах коммуникации волонтеров и социальных работников с людьми с умственной отсталостью в главе 4, написанной Крисом Уолтоном, Чарльзом Антаки и Миком Финлэем).

Вместе с тем возможны и другие описания происходящего, т.е. не только в терминах поправки¹. Так, Чарльз Гудвин использовал понятие совместного конструирования (*co-construction*) значения и действия [Goodwin 1995]. Акцент при таком описании делается на совместных усилиях в ситуации, когда участник, в полной мере владеющий речью, берет на себя значительную часть работы по производству действий или высказываний партнера с нарушениями, например предлагает для согласования свое понимание предшествующего неоднозначного действия партнера. Под это описание хорошо подходят случаи, которые Мина Лааксо в главе 9 рассматривает как специфическую для взаимодействий с партнером, обладающим ограниченными коммуникативными ресурсами, разновидность поправки. Она анализирует примеры, в которых ребенок 1–3 лет

¹ Нужно сказать, что сама поправка может использоваться не только в «прямом смысле», т.е. для устранения проблем понимания, но и для осуществления очень разных действий, например привлечения внимания партнера, возражения, выражения удивления, указания на неуместность предшествующего действия партнера и т.д. [Goodwin 1981; 2018: 148; Kitzinger 2012: 233, 241–244, 253–255].

или взрослый с афазией иницируют поправку собственной реплики, однако затрудняются с ее осуществлением. В некоторых случаях на помощь приходит более компетентный собеседник, предлагая свой вариант завершения, который партнер затем подтверждает (Р. 268–271). Однако об этой помощи более компетентного партнера можно говорить и как о «предвосхищающем завершении» [Bloch 2011], а всю последовательность действий описывать как совместное конструирование по Гудвину. В каких-то случаях различие между совместным конструированием и поправкой может быть проведено [Bloch, Beeke 2008: 980–985]. Но возможны также ситуации, в которых эти описания не становятся взаимоисключающими альтернативами и каждое из них в той или иной степени оказывается релевантным для участников¹. Поэтому выбор того или иного метаязыка в конкретном случае зависит от постановки проблемы, а разные категории позволяют осветить разные аспекты рассматриваемой ситуации. Например, описание в терминах поправки дает возможность установить, в каких местах последовательности взаимодействия возникают систематические трудности и какие сходства есть в этом плане между нарушениями, которые с медицинской точки зрения выглядят различными (см. замечания об этом во введении, р. 23–25). Перспектива совместного конструирования помогает увидеть распределенность роли говорящего между несколькими участниками и то, на какие ресурсы в окружающей среде участники могут опираться, совершая и интерпретируя значимые действия в условиях коммуникативных ограничений.

Значимость такого рода ресурсов для понимания речи участников (прагматики их высказываний) и происходящего в целом, как и мультимодальный характер взаимодействия, не вызывают сегодня никаких сомнений. Во взаимодействии лицом к лицу (даже в обычном разговоре и тем более в практической деятельности, будь то игра в классики, хирургическая операция, археологические раскопки, покупка продуктов и т.д.), неречевые аспекты, как подчеркивал Гудвин [Goodwin 2018: 170], не являются просто набором параметров, дополняющих речь, а представляют собой сложное единство, переплетаются друг с другом и с речью, образуют тот динамичный контекст, в котором происходит взаимодействие и на фоне которого каждый раз заново интерпретируются действия участников. Ясно поэтому, что формула специалистов по альтернативной и дополнительной коммуникации «Коммуникация — не только слова» справедлива не только для взаимодействий, где есть участники с комму-

---

¹ Ср. в связи с этим замечания Стивена Левинсона о том, что одним высказыванием часто совершается несколько действий [Levinson 2012: 107, 119, 126].

никативными нарушениями. Однако для этих последних роль неречевых аспектов становится особенно существенной.

Наиболее очевидна роль неречевых действий, которые представляют собой намеренные акты коммуникации и производятся последовательно или параллельно с речью. Но не менее существенны и действия, которые, не будучи намеренно коммуникативными, демонстрируют другим участникам, как их партнер понимает предшествующие высказывания или текущую ситуацию, воспринимает ли он слова собеседника, куда направлено его внимание и т.п. Индивиду, чьи возможности восприятия или порождения речи ограничены, эти ресурсы позволяют производить действия, которые в обычном случае совершаются речевыми средствами. Скажем, люди с афазией и дизартрией, как продемонстрировано в главе 13, могут, переведя взгляд на партнера, передать ему слово (показав, что их очередь завершена) или попросить о помощи в случае затруднений с произнесением. Другой пример представляет невербальное поведение людей с нарушениями слуха. При возникновении затруднений восприятия они склоняются к партнерам, хмурятся, поворачивают ухо в их сторону. Это позволяет участникам восстанавливать взаимопонимание, не прибегая к явным поправкам и не нарушая хода взаимодействия, если партнеры замечают это невербальное поведение (см. обзор соответствующих исследований в главе 14, р. 411–412). Вопрос о том, являются ли элементы невербального поведения формами намеренной коммуникации и можно ли их считать, например, эквивалентом вербального инициирования поправки (переспроса), по-видимому, не имеет однозначного решения¹. Но несомненно, что такого рода поведение может быть значимо, а внимание к нему позволяет учитывать интересы партнера с нарушениями и делать взаимодействие эффективным.

Вместе с тем учет и интерпретация невербальных обстоятельств представляют собой практическую проблему не только для исследователей, но и для самих участников взаимодействия. Эти проблемы демонстрируют во второй главе Дуглас Мэйнард и Джэйсон Туровец. Они анализируют фрагменты институциональных взаимодействий с участием людей с расстройством аутистического спектра (РАС) с полицейским в одном случае и с психологом во втором. Авторы показывают, как, сталкиваясь с не вполне обычным поведением людей с РАС, их партнеры интерпретируют его. При этом они осуществляют то, что авторы обозначают как «транспонирование»: представляют действия

¹ Обсуждение этой проблемы на материалах взаимодействия с людьми с нарушениями слуха можно найти в работе [Rajo, Klippi 2013].

людей с РАС как независимые, индивидуальные, в то время как они являются ответными (хотя и не вполне типичными) реакциями на действия соответственно психолога и полицейского. Так, в ходе диагностического тестирования испытуемый девятилетний мальчик отказывается выполнять задание — показать, как он чистит зубы. Не добившись результата, психолог пытается перейти к следующему заданию, побуждая ребенка к действию собственным примером (показывает, как заводится и едет машина). В конце концов ребенок встает из-за стола и уходит в угол. Мэйнард и Туровец демонстрируют, что психолог замечает не все действия ребенка, например игнорирует покачивания головой вбок, которые можно интерпретировать как отказ. Но важнее то, что покачивания головой и реплики, которые психолог замечает, она интерпретирует (в процессе взаимодействия и позже, при обсуждении диагноза с коллегами) в терминах мотивов, желаний, психологического состояния ребенка. При этом его действия представляются как резкие, неожиданные и односторонние. Между тем они являются результатом взаимодействия, ответом на побуждения к действию со стороны психолога. Таким образом трудность состоит не только в том, что партнеры не замечают или игнорируют какие-то действия, но еще и в том, что их интерпретации могут расходиться с перспективой участников с РАС в том виде, в котором ее выявляют исследователи.

Анализ Мэйнарда и Туровца ставит в центр внимания еще одну проблему — проблему понимания во взаимодействии и реконструкции тех интерпретативных процедур, которые производят его участники по ходу. В КА эта реконструкция осуществляется с опорой на организацию последовательности действий: из того, как они располагаются друг за другом, делаются предположения об интерпретативных процедурах, которые участники осуществляют по ходу взаимодействия. Так, на первом шаге действие участника А часто задает определенные ожидания относительно возможных последующих действий участника В. На втором шаге действие участника В (реплика, телодвижения, манипуляции с объектами) демонстрирует, как он понял предшествующее коммуникативное действие (вербальное или невербальное) участника А. Далее, на третьем шаге, это понимание, продемонстрированное участником В, может быть скорректировано участником А, если последний сочтет его неадекватным¹. Отсутствие поправки со стороны А по умолчанию считается согласием с пониманием, продемонстрированным В на предыду-

---

¹ По словам Щеглова, в разговоре такие коррекции чаще всего появляются именно в третьей позиции, но они могут осуществляться также и на более поздних этапах [Schegloff 1992: 1320 et passim].

щем, втором, шаге [Heritage 1984: 256–259]¹. Таким образом согласованное понимание в представлении приверженцев КА и исследователей, так или иначе связанных с этой традицией, не является чем-то изначально данным, существующим до взаимодействия, а представляет собой результат совместных действий партнеров, к которому по разным причинам можно прийти или не прийти (ср.: [Goodwin 2018: 87]).

Разумеется, подобные проблемы понимания встречаются не только во взаимодействиях с людьми с коммуникативными нарушениями, но в этих случаях они опять-таки становятся особенно существенными. Во-первых, сбои и задержки во взаимодействии, о которых шла речь выше, часто оказываются не только проблемами продвижения хода взаимодействия, но и проблемами понимания, на что указывают Стивен Блок и Шарлотта Сальдерт в главе 12. Они отмечают, что в разговоре с человеком с дизартрией сложности могут возникать не только на уровне восприятия плохо артикулированной (*unintelligible*) речи, но и на уровне *понимаемости* (*understandability*) его высказываний, т.е. представления о том, как текущая реплика человека с дизартрией связана с предшествующим контекстом (Р. 349–350). Подобные затруднения могут возникать из-за того, что он не способен производить высказывание достаточно быстро, соответственно оно отстоит от предшествующего контекста дальше, чем в обычном случае (Р. 350). Кроме того, высказывания людей с дизартрией и афазией часто фрагментарны, грамматически неправильны и требуют интерпретации со стороны партнера, на что обращают внимание Петер Ауэр, Ангелика Бауэр и Ина Хормейер в главе 13 (Р. 380). Контекстуализация таких реплик может оказаться особенно затруднительной в некоторых интеракционных контекстах, например при смене темы [Bloch 2011] или при референции к третьим лицам (этому вопросу посвящена глава 12).

Во взаимодействиях с партнерами с афазией и дизартрией проблемы могут быть разрешены благодаря механизму поправки².

¹ Опора на последовательность действий не дает гарантии, что картина интерпретативных процедур, реконструируемых исследователем, является именно такой для самих участников [Heritage 2018: 28–30]. Вместе с тем анализ того, как выстраивается эта последовательность, может показать, что имеют место разного рода намеренные манипуляции (например, уклонения от ожидаемых продолжений) или расхождения между участниками в понимании происходящего, и объяснить возможные причины подобных расхождений [Heritage 1984: 259–260].

² Впрочем, осуществление поправки требует места и времени, которые находятся не всегда. Примером могут быть взаимодействия в медицинских и реабилитационных учреждениях. Их сотрудники обязаны выполнять свои текущие рабочие задачи, которые часто не оставляют ресурсов для того, чтобы заметить какие-то потенциально коммуникативные действия, начать выяснять, что мог иметь в виду клиент с коммуникативными нарушениями, или даже для того, чтобы просто его выслушать. См., например: [Finlay et al. 2007], а также наблюдения Альбера Робийера в его автоэтнографическом исследовании опыта инвалидности [Robillard 1999: 59 et passim].

Однако в тех случаях, когда участники имеют нарушения когнитивной сферы, трудность контекстуализации их действий и риск непонимания существенно возрастают, поскольку, как отмечает Уилкинсон, общность фоновых знаний оказывается под вопросом [Wilkinson 2019: 293]. При этом само осуществление поправки для партнера с когнитивными нарушениями может оказаться затруднительным, а попытки прояснить, что он имел в виду, не всегда приводят к результату, как это показывается в главе 4 (Р. 97–98, 100–101). Таким образом, сталкиваясь с неоднозначными, труднообъяснимыми действиями людей с когнитивными нарушениями или отсутствием ожидаемых действий (реакций на просьбу, инструкцию, вопрос), их партнеры вынуждены поддерживать взаимодействие и интерпретировать непонятное для них поведение, опираясь на доступные ресурсы: знания о собеседниках и контексте, в котором они регулярно взаимодействуют, деятельность, которой бывают заняты, обстановку, в которой эта деятельность происходит¹. Вместе с тем контроль предлагаемых интерпретаций со стороны партнеров с нарушениями часто оказывается затруднен или невозможен, а отсутствие поправки на третьем шаге не гарантирует, что проблематичное действие было интерпретировано в соответствии с намерениями того, кто его совершил. Поэтому возникает опасность, что, приписывая то или иное значение действиям человека с когнитивными нарушениями, более компетентный участник, по выражению И.В. Утехина, коммуницирует сам с собой, а «действия партнера лишь выглядят осмысленными, будучи действиями полноценного участника и встроены им в смысловую рамку» [Утехин 2014а: 97].

То же самое может быть сказано и по поводу исследовательских интерпретаций. Во-первых, есть опасность, что аналитик последует за более компетентным участником, игнорируя перспективу его партнера с нарушениями². Во-вторых, потенциально опасной может оказаться и установка на тотальную упорядоченность взаимодействия, принятая в КА. Такая уста-

---

¹ Подобный контекст — регулярные, повторяющиеся процедуры, расписания, виды деятельности, структурированная среда — играет важнейшую роль в коммуникации. Для людей с тяжелыми нарушениями она становится возможной во многом благодаря такому контексту, к которому участники могут делать отсылки. На это обращают внимание Уолтон и его коллеги, замечая, что в каких-то случаях для понимания происходящего (и того, как участники взаимодействия понимают друг друга) исследователю может понадобиться этнография (Р. 124). Дополнение КА этнографическими данными в той или иной мере встречается и в других главах сборника.

² В каких-то аспектах следование за «типичным» участником «атипичного» взаимодействия оказывается неизбежно. Примером может быть транскрибирование. Требование, предъявляемое в КА к транскрипции материала, состоит в том, что она должна передавать речь участников так, как они сами ее слышат, т.е. отображать релевантные для них особенности произношения. Однако очевидно, что слабослышащий вряд ли слышит реплики партнеров без нарушений так же, как они сами, не говоря о людях с тяжелыми интеллектуальными нарушениями.

новка может привести к приписыванию значения или функции неоднозначным действиям участников с нарушениями без достаточных на то оснований. Кажется, что в основном авторы сборника избегают этой опасности. Один из немногочисленных примеров появляется в главе 6, написанной Гитте Расмуссен. В ней разобраны два эпизода с участием девяностолетней женщины с деменцией. В одном из них разговор идет о беженцах, в другом — о танцевальной школе, в которую она ходила в молодости. В обоих случаях собеседница с деменцией в какой-то момент начинает петь. Расмуссен достаточно убедительно показывает связь пения с интеракционным контекстом. Во-первых, пению предшествует постепенное затухание разговора, во-вторых, в соответствующих эпизодах несколько раз повторяются слова и фразы, которые затем появляются и в песнях. Сомнения возникают в связи с предположением автора, что пение также представляет собой социальное действие. В первом случае автор истолковывает его (опираясь на анализ текста песни — описание бед и несчастий и рефрена «а в остальном все хорошо») как выражение несогласия поющей с точкой зрения собеседницы, во втором случае — как попытку передать атмосферу танцев, о которых идет речь. В частности, по поводу второго случая Расмуссен пишет, что текст песни абстрактен и метафоричен, а мелодия отрывиста. Все это взятое вместе, по ее мысли, дает ощущение пребывания в танцевальной школе и того, как тогда было весело (о чем до этого несколько раз говорили собеседницы) (Р. 182). Эта интерпретация чрезвычайно интересна, однако, на мой взгляд, не вполне убедительна, и оснований для предложенного автором истолкования, как кажется, не больше, чем для того, чтобы считать, что песня была вызвана ассоциациями с темой разговора или даже отдельными словами, но поющий не преследовал никаких специальных целей, например передать атмосферу того места и времени, о которых идет речь. Во всяком случае, трудно увидеть ориентацию хотя бы одного из участников на то действие, которое, как полагает Расмуссен, совершает поющая женщина, если исходить из транскрипции (которая, кстати, не включает следующих за пением действий участников — см. р. 173).

Нужно подчеркнуть, что сказанное не ставит под сомнение сам подход с позиций КА. Он безусловно является продуктивным и позволяет увидеть функциональность тех феноменов (как в «атипичном», так и в «типичном» взаимодействии), которые могут остаться незамеченными или показаться неупорядоченными, неинформативными для представителей других дисциплин. Чтение сборника убеждает в том, что анализ коммуникации, в которой участвуют люди с нарушениями, часто

оказывается чрезвычайно трудоемким, требует повышенного внимания к деталям взаимодействия и осторожности в интерпретациях.

Библиография

- Утехин И.В. О метауровне коммуникации в ходе совместной деятельности // Социология власти. 2012. № 8. С. 8–35.
- Утехин И.В. Коммуникация у человека: некоторые общие замечания в свете задач расширенной альтернативной коммуникации // Рыскина В.Г. (ред.). Альтернативная и дополнительная коммуникация как основа для развития, реабилитации и обучения людей с нарушениями в развитии: Сб. статей. СПб.: Б.и., 2014а. С. 88–99.
- Утехин И.В. «Мычание» и жесты среди ресурсов для совместного конструирования смысла в диалоге // Федорова О.В., Кибрик А.А. (ред.). Мультиmodalная коммуникация: теоретические и эмпирические исследования: Сб. статей. М.: Буки Веди, 2014б. С. 115–129.
- Antaki C., Wilkinson R. Conversation Analysis and the Study of Atypical Populations // Sidnell J., Stivers T. (eds.). Handbook of Conversation Analysis. Chichester: Blackwell-Wiley, 2012. P. 533–550. doi: 10.1002/9781118325001.ch26.
- Bloch S. Anticipatory Other-Completion of Augmentative and Alternative Communication Talk: A Conversation Analysis Study // Disability and Rehabilitation. 2011. Vol. 33. No. 3. P. 261–269. doi: 10.3109/0963828.8.2010.491574.
- Bloch S., Beeke S. Co-Constructed Talk in the Conversations of People with Dysarthria and Aphasia // Clinical Linguistics & Phonetics. 2008. Vol. 22. No. 12. P. 974–990. doi: 10.1080/02699200802394831.
- Finlay M.W.L., Antaki C., Walton C. On Not Being Noticed: Intellectual Disabilities and the Nonvocal Register // Intellectual and Developmental Disabilities. 2007. Vol. 45. No. 4. P. 227–245. doi: 10.1352/1934-9556(2007)45[227:ONBNID]2.0.CO;2.
- Goodwin C. Conversational Organization: Interaction between Speakers and Hearers. N.Y.: Academic Press, 1981. 195 p.
- Goodwin C. Co-Constructing Meaning in Conversations with an Aphasic Man // Research on Language and Social Interaction. 1995. Vol. 28. No. 3. P. 233–260. doi: 10.1207/s15327973rlsi2803_4.
- Goodwin C. Introduction // Goodwin C. (ed.). Conversation and Brain Damage. N.Y.: Oxford University Press, 2003. P. 3–20.
- Goodwin C. Co-Operative Action. N.Y.: Cambridge University Press, 2018. 521 p. doi: 10.1017/9781139016735.
- Heritage J. Garfinkel and Ethnomethodology. Cambridge; N.Y.: Polity Press, 1984. VIII+336 p.
- Heritage J. The Ubiquity of Epistemics: A Rebuttal to the “Epistemics of Epistemics” Group // Discourse Studies. 2018. Vol. 20. No. 1. P. 14–56. doi: 10.1177/1461445617734342.
- Kitzinger C. Repair // Sidnell J., Stivers T. (eds.). Handbook of Conversation Analysis. Chichester: Blackwell-Wiley, 2012. P. 229–256. doi: 10.1002/9781118325001.ch12.

- Levinson S.C. Action Formation and Ascription // Sidnell J., Stivers T. (eds.). *Handbook of Conversation Analysis*. Chichester: Blackwell-Wiley, 2012. P. 103–130. doi: 10.1002/9781118325001.ch6.
- Pajo K., Klippi A. Hearing-Impaired Recipients' Non-Vocal Action Sets as a Resource for Collaboration in Conversation // *Journal of Pragmatics*. 2013. Vol. 55. P. 162–179. doi: 10.1016/j.pragma.2013.06.004.
- Robillard A.B. *Meaning of a Disability: The Lived Experience of Paralysis*. Philadelphia, PA: Temple University Press, 1999. XV+191 p.
- Schegloff E.A. Repair after Next Turn: The Last Structurally Provided Defense of Intersubjectivity in Conversation // *American Journal of Sociology*. 1992. Vol. 97. No. 5. P. 1295–1345. doi: 10.1086/229903.
- Schegloff E.A. When “Others” Initiate Repair // *Applied Linguistics*. 2000. Vol. 21. No. 2. P. 205–243. doi: 10.1093/applin/21.2.205.
- Schegloff E.A. *Conversation Analysis and Communication Disorders* // Goodwin C. (ed.). *Conversation and Brain Damage*. N.Y.: Oxford University Press, 2003. P. 21–55.
- Schegloff E.A. *Sequence Organization in Interaction: A Primer in Conversation Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. XVI+300 p. doi: 10.1017/CBO9780511791208.
- Schegloff E.A., Jefferson G., Sacks H. The Preference for Self-Correction in the Organization of Repair in Conversation // *Language*. 1977. Vol. 53. No. 2. P. 361–382. doi: 10.1353/lan.1977.0041.
- Wilkinson R. Intervening with Conversation Analysis in Speech and Language Therapy: Improving Aphasic Conversation // *Research on Language and Social Interaction*. 2014. Vol. 47. No. 3. P. 219–238. doi: 10.1080/08351813.2014.925659.
- Wilkinson R. *Atypical Interaction: Conversation Analysis and Communicative Impairments* // *Research on Language and Social Interaction*. 2019. Vol. 52. No. 3. P. 281–299. doi: 10.1080/08351813.2019.1631045.

A Review of Ray Wilkinson, John P. Rae, Gitte Rasmussen (eds.), *Atypical Interaction: The Impact of Communicative Impairments within Everyday Talk*. Cham: Palgrave Macmillan, 2020, XXIII+470 pp.

Dmitry Kolyadov

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
9 Tuchkov Lane, St Petersburg, Russia
dkoliadov@gmail.com

The collection of articles under review includes conversation analytic studies of interactions involving the participation of at least one person with communicative impairments (aphasia, dementia,

dysarthria, etc.). The authors concentrate on how these impairments influence interaction—the organization of repair in particular—as well as on issues of participants' adaption to impairments, collaboration, the agency of people with impairments, and practices of face maintenance. Three more general issues connected to this field of study are discussed in the review. The first issue is a choice of analytic categories and the application of the category of repair. This category seems justified since participants frequently have to clarify the meaning of their partners' actions. However, this choice may appear problematic if one does not take into account that interactions with people with impairments have their own progressivity, which differs from the progressivity of ordinary conversation. The second issue is the role of nonverbal actions, which is crucial in circumstances where some of the participants lack verbal resources. The third issue concerns the problem of the understanding which participants try to achieve in the course of interaction and which researchers try to achieve in the course of analysis. This task becomes more challenging in comparison to ordinary conversations. On the one hand, actions of persons with impairments are sometimes ambiguous and require special interpretative efforts from their partners. On the other hand, there is always a risk that the partner will interpret actions of impaired person inadequately.

Keywords: conversation analysis, communicative impairments, repair, progressivity, nonverbal actions.

References

- Antaki C., Wilkinson R., 'Conversation Analysis and the Study of Atypical Populations', Sidnell J., Stivers T. (eds.), *Handbook of Conversation Analysis*. Chichester: Blackwell-Wiley, 2012, pp. 533–550. doi: 10.1002/9781118325001.ch26.
- Bloch S., 'Anticipatory Other-Completion of Augmentative and Alternative Communication Talk: A Conversation Analysis Study', *Disability and Rehabilitation*, 2011, vol. 33, no. 3, pp. 261–269. doi: 10.3109/09638288.2010.491574.
- Bloch S., Beeke S., 'Co-Constructed Talk in the Conversations of People with Dysarthria and Aphasia', *Clinical Linguistics & Phonetics*, 2008, vol. 22, no. 12, pp. 974–990. doi: 10.1080/02699200802394831.
- Finlay M. W. L., Antaki C., Walton C., 'On Not Being Noticed: Intellectual Disabilities and the Nonvocal Register', *Intellectual and Developmental Disabilities*, 2007, vol. 45, no. 4, pp. 227–245. doi: 10.1352/1934-9556(2007)45[227:ONBNID]2.0.CO;2.
- Goodwin C., *Conversational Organization: Interaction between Speakers and Hearers*. New York: Academic Press, 1981, 195 pp.
- Goodwin C., 'Co-Constructing Meaning in Conversations with an Aphasic Man', *Research on Language and Social Interaction*, 1995, vol. 28, no. 3, pp. 233–260. doi: 10.1207/s15327973rlsi2803_4.

- Goodwin C., 'Introduction', Goodwin C. (ed.), *Conversation and Brain Damage*. New York: Oxford University Press, 2003, pp. 3–20.
- Goodwin C., *Co-Operative Action*. New York: Cambridge University Press, 2018, 521 pp. doi: 10.1017/9781139016735.
- Heritage J., *Garfinkel and Ethnomethodology*. Cambridge; New York: Polity Press, 1984, VIII+336 pp.
- Heritage J., 'The Ubiquity of Epistemics: A Rebuttal to the "Epistemics of Epistemics" Group', *Discourse Studies*, 2018, vol. 20, no. 1, pp. 14–56. doi: 10.1177/1461445617734342.
- Kitzinger C., 'Repair', Sidnell J., Stivers T. (eds.), *Handbook of Conversation Analysis*. Chichester: Blackwell-Wiley, 2012, pp. 229–256. doi: 10.1002/9781118325001.ch12.
- Levinson S. C., 'Action Formation and Ascription', Sidnell J., Stivers T. (eds.), *Handbook of Conversation Analysis*. Chichester: Blackwell-Wiley, 2012, pp. 103–130. doi: 10.1002/9781118325001.ch6.
- Pajo K., Klippi A., 'Hearing-Impaired Recipients' Non-Vocal Action Sets as a Resource for Collaboration in Conversation', *Journal of Pragmatics*, 2013, vol. 55, pp. 162–179. doi: 10.1016/j.pragma.2013.06.004.
- Robillard A. B., *Meaning of a Disability: The Lived Experience of Paralysis*. Philadelphia, PA: Temple University Press, 1999, XV+191 pp.
- Schegloff E. A., 'Repair after Next Turn: The Last Structurally Provided Defense of Intersubjectivity in Conversation', *American Journal of Sociology*, 1992, vol. 97, no. 5, pp. 1295–1345. doi: 10.1086/229903.
- Schegloff E. A., 'When "Others" Initiate Repair', *Applied Linguistics*, 2000, vol. 21, no. 2, pp. 205–243. doi: 10.1093/applin/21.2.205.
- Schegloff E. A., 'Conversation Analysis and Communication Disorders', Goodwin C. (ed.), *Conversation and Brain Damage*. New York: Oxford University Press, 2003, pp. 21–55.
- Schegloff E. A., *Sequence Organization in Interaction: A Primer in Conversation Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007, XVI+300 pp. doi: 10.1017/CBO9780511791208.
- Schegloff E. A., Jefferson G., Sacks H., 'The Preference for Self-Correction in the Organization of Repair in Conversation', *Language*, 1977, vol. 53, no. 2, pp. 361–382. doi: 10.1353/lan.1977.0041.
- Utekhin I. V., 'O metaurovne kommunikatsii v khode sovmestnoy deyatelnosti' [On Metalevel of Communication in Interaction], *Sotsiologiya vlasti*, 2012, no. 8, pp. 8–35. (In Russian).
- Utekhin I. V., 'Kommunikatsiya u cheloveka: nekotorye obshchie zamechaniya v svete zadach rasshirennoy alternativnoy kommunikatsii' [Communication in Humans: Some General Remarks with Respect to the Needs of Augmented and Alternative Communication], Ryskina V. G. (ed.), *Alternativnaya i dopolnitelnaya kommunikatsiya kak osnova dlya razvitiya, reabilitatsii i obucheniya lyudey s narusheniyami v razvitiy* [Alternative and Augmented Communication as a Foundation for Development, Rehabilitation and Teaching of People with Developmental Disorders]: Coll. of articles. St Petersburg: S. n., 2014, pp. 88–99. (In Russian).
- Utekhin I. V., "Mychanie" i zhesty sredi resursov dlya sovmestnogo konstruirovaniya smysla v dialoge' ["Mooring" and Gesture as Resources

for the Joint Construction of Meaning], Fedorova O. V., Kibrik A. A. (eds.), *Multimodalnaya kommunikatsiya: teoreticheskie i empiricheskie issledovaniya* [Multimodal Communication: Theoretical and Empirical Investigations]: Coll. of articles. Moscow: Buki Vedi, 2014, pp. 115–129. (In Russian).

Wilkinson R., 'Intervening with Conversation Analysis in Speech and Language Therapy: Improving Aphasic Conversation', *Research on Language and Social Interaction*, 2014, vol. 47, no. 3, pp. 219–238. doi: 10.1080/08351813.2014.925659.

Wilkinson R., 'Atypical Interaction: Conversation Analysis and Communicative Impairments', *Research on Language and Social Interaction*, 2019, vol. 52, no. 3, pp. 281–299. doi: 10.1080/08351813.2019.1631045.